

Михаил ГАУЗНЕР

Проводок незримый

Страшно подумать, что я со своим самым близким в жизни другом, можно сказать — моим «вторым я», мог и не встретиться. Это чуть не произошло — на нашем родном мехфаке Одесского политехнического института Женю Марголина зачислили на литейное отделение, куда ребята не очень охотно шли. А ему было, видимо, всё равно — ведь он, как и большинство первокурсников, ни к какой определённой узкой специализации инженера-механика явной тяги не испытывал. Я попал на отделение металлорежущих станков, мы гордо именовали себя конструкторами, общие лекции у нас и у литейщиков проходили на разных «потоках». Так что мы вполне могли бы не познакомиться.

Витя Денисенко, которому поручили выпускать курсовую стенгазету, пропел сочил меня в ней — как нарушителя дисциплины. Это стало поводом для более близкого с ним знакомства (и вот уже 64 года мы дружим!), мы разговорились, и он привлек меня к работе в этой стенгазете. Вот теперь уже до упомянутой случайности остался всего один шаг — мне было поручено пойти на перемене на «поток» литейщиков и получить от кого-нибудь из них заметку. Там я практически сразу обратил внимание на высокого красивого голубоглазого шатена с открытым лицом и доброй, чуть ироничной улыбкой. Подошёл к нему, представился и попросил написать в газету.

Энтузиазма моя просьба, естественно, не вызвала, но я его уговорил, и в конце дня Женя на ходу сунул мне в руку какой-то листок. Написанное меня не устроило, на второй день всё повторилось — с тем же результатом. Когда я «отловил» Женю в третий раз, он клятвенно пообещал отдать мне после занятий качественную коррекцию, причём в стихах! Предвкушая удачу, я ждал его в вестибюле.

Он вручил мне вырванный из тетрадки листок и, выжидательно улыбаясь, наблюдал за моей реакцией. Вот что я прочитал: «Мишка Гаузнер, злодей, Женю нежно пожалей! Не заставь меня, беднягу, портить в третий раз бумагу!». Я рассмеялся, Женя приобнял меня за плечи; так началась наша дружба, продолжавшаяся тридцать семь лет, до его неожиданной смерти.

У хорошего поэта Майи Яворовской, нашей однокурсницы, есть такие строки:

И протянулся проводок незримый,
И потекло взаимное тепло...

Конечно, писала Майя о себе, о своих отношениях с мужчиной, но это очень точно сказано и о нас с Женей. Из указанных выше тридцати семи лет мы провели в одном городе только пять институтских, остальные он прожил в Риге, на берегу другого моря, где его окружали другие люди. И у него, и у меня были свои хорошие друзья, с которыми мы общались постоянно, но всё-таки самым близким для меня всегда оставался Женя.

Вспомнился смешной случай. Женя и я пошли купаться в Днестровский лиман, который со стороны Каролино-Бугаза очень мелководен — чтобы вода достигла уровня груди, нужно было пройти метров тридцать — сорок. Увлечённо беседуя, мы дошли до желательной глубины и, забыв окунуться, но продолжая разговор, вернулись на берег. Моя жена, наблюдая эту комичную сцену и с трудом сдерживая смех, с серьёзным видом спросила: «Ребята, вы ничего не забыли?» Мы растерянно огляделись вокруг, неуверенно сказали: «Вроде нет...» — и только потом, увидев, что верхние половины наших туловищ сухие, расхохотались вместе со всеми.

Но слова требовались нам не всегда. Как-то на закате сидели мы на узкой полоске песка около воды и долго молча смотрели, как теряющее яркость багровое солнце опускается за далёкий противоположный берег лимана. Наступали сумерки, а мы продолжали в предзакатной тишине без слов смотреть туда. Потом Женя встал, отряхнул песок, сказал: «Ну, вот и поговорили, вроде всё ясно», — и мы пошли на дачу, где большой компанией снимали комнатку и коллективный чердак.

Он часто знакомил нас с интересными людьми — и рижанами, и приезжими.

Помню, как до поздней ночи сидели у него на кухне с московским журналистом и поэтом Сашей Ароновым и увлечённо пели под гитару его новую песню «Когда у вас нет собаки»; потом в Одессе часто пели её в нашей компании. По-моему, усвоенная нами тогда нехитрая Сашина мелодия значительно больше подходила для этой только на первый взгляд простенькой песенки, чем музыка Таривердиева, на которую она исполнялась Мягковым в фильме «Ирония судьбы»; услышав там через несколько лет «нашу» песенку с прилизанно-правильным началом «Если у вас...» вместо «Когда...», мы так и говорили: «Жаль, перетаривердиев Рязанов Сашину «собаку».

В институтские годы главным делом его жизни был парусный спорт. К этому он относился очень серьёзно, пропадал всё свободное время, с ранней весны до поздней осени, в яхт-клубе, где тяжёлый, до мозолей на руках, труд по подготовке яхты к соревнованиям и походам был для него радостью. В этом был весь Женя — он всегда брал на себя самое трудное, не задумываясь, «подставлял плечо», считая, что иначе быть не может.

Он был настоящим романтиком моря, да и не только моря (хотя стеснялся это показывать, бывая иногда нарочито грубоватым), и сохранил эти качества на всю жизнь.

Парусные регаты, дальние походы под парусами (он был яхтенным капитаном, кандидатом в мастера парусного спорта) составляли тогда значительную, очень важную для него часть жизни. Он и направление после института выбрал именно в Ригу потому, что там можно было продолжать этим заниматься. Работал Женя на РЭЗе — Рижском электромеханическом заводе, в литейном производстве, неплохо проявил себя как специалист, жил в общежитии; в общем, «как все». И писал стихи — для себя, для близких друзей, т. к. поэтом себя не считал:

Чудес на свете бывает немало.
В темноте, среди ночной тишины
Ваше собственное одеяло
Тихонько подсматривает ваши сны.
Целый день одеяло дремало,
Ворсинками посапывая в кровать...

Одновременно с освоением инженерной специальности Женя стал публиковать свои корреспонденции и стихи в заводской многотиражке. Её редактор, выпускник филфака Латвийского университета Абрам Клячкин, стал первым профессиональным наставником Жени в журналистике; его роль в судьбе Жени и тогда, и потом трудно переоценить. Со временем небольшие заметки Жени стала печатать республиканская газета «Советская молодёжь».

Однажды эстрадный оркестр РЭЗа исполнил на престижном республиканском конкурсе песню на стихи Жени «Вечер над Ригой». Она заняла призовое место и удостоилась похвалы самого Раймонда Паулса, возглавлявшего жюри:

Над Ригой лучистые звёзды,
Чуть дышит ветер ночной.
Весенних бульваров искрящийся воздух
Нас опьяняет с тобой.

Стихли улицы, шум не слышится,
Робко звякнув, ушёл трамвай,
Мягкий сумрак плывёт над крышами.
Синяя ночь, ласковый май...

Словосочетание «ласковый май» через четверть века после первого исполнения песни стало названием суперпопулярной музыкальной группы.

Начиная с декабря-января в письмах и по телефону Женя постоянно говорил, что уже не может дожидаться, когда наступит август и будут колоннада у Воронцовского дворца, Приморский бульвар, Дерibasовская, песчаная коса Каролино-Бугаза.

А прилетев и обняв нас, он всегда широко улыбался и говорил одну фразу: «Ну, кажется, я в Одессе!»

Уже через несколько дней куда-то девалась его приобретённая прибалтийская респектабельность, в речи вновь появлялись одесские интонации и обороты. Вероятно, одесский воздух, родное Чёрное море, общение с близкими людьми буквально преображали его, и он становился счастливым.

Любопытны обстоятельства его первого знакомства в день прилёта с Бертой, моей женой. Август, выходящее во двор окно моей комнаты на первом этаже раскрыто настезь. В его просвете появляется улыбающийся Женя с бутылкой вина, подтягивается на руках, легко перемахивает через подоконник и выжидательно смотрит на Берту, ожидая её реакции на столь несолодкий («неинтеллигентный», как говорила моя бабушка) способ входа в квартиру. А реакции никакой: «Ну и что?» — спокойно спросила у него Берта. Женя широко улыбнулся и со словами «Наш человек!» обнял её. С тех пор они тоже стали близкими друзьями.

В августе 1984 г. мы большой компанией отпраздновали пятидесятилетний юбилей Жени на даче моего приятеля. Мужчины были в парадной форме — плавки и галстуки, на тамаде ещё и шляпа; женщины — в купальниках. Солнце, веселье, смех, шуточные тосты — в общем, несерьёзная обстановка.

Неожиданно для юбиляра я торжественно вручил ему альбом с машинописным текстом, на обложке из красного колена золотом было вытеснено: «Е. Марголин. Собрание сочинений. Том первый. Ранние стихотворения».

Женя онемел: «Откуда они у тебя? Ведь многие из этих стихов не сохранились даже у меня!» Пришлось объяснить, что я собирал не только все присылаемые им с письмами вырезки из газет, но и рукописные листки.

Потом он стал редактором на Рижской киностудии документальных фильмов и через год был избран её художественным руководителем. Эта работа очень захватила Женю. Он казался помолодевшим, полным сил, на него приятно было смотреть; чувствовалось, что он на подъёме.

Женя был членом Союза журналистов СССР и Союза кинематографистов СССР, в качестве одного из авторов сценария нашумевшего в 80-е годы фильма «Легко ли быть молодым?» получил Государственную премию СССР.

Вечером 4 декабря 1990 г. позвонила из Москвы наша общая подруга Валя и растерянно сказала: «Умер Женя...» Подробностей она не знала. Через день мы с Бертой и Валей были в Риге.

В тот промозглый день на нас давило всё — и свинцовые тучи, и холодная, пробирающая до костей прибалтийская сырость, и нескончаемый висящий в воздухе мелкий дождик. Всё это усугубляло моё ощущение: то, что мы видим перед собой — не Женя...

Один из выступавших, молодой латыш, рассказал, как Женя заставил его поверить в свои силы и помог стать оператором («если бы не он, я таскал бы треногу осветителя до сих пор»). Интересно, что этот парень, по возрасту годившийся Жене в сыновья, только один раз назвал его по имени-отчеству, а дальше называл Эйженс (Женя). Стесняясь и сбиваясь на латышский, он объяснил нам, что все на студии называли его только так, и это не было панибратством — просто он был для них всех близким, своим человеком.

Судьбе было угодно, чтобы два самых близких мне (исключая родителей и дочь) человека — Берта и Женя — родились в один день с разницей в пять лет, и отмечали его всегда вместе, в Одессе. Мы с Бертой решили их первый без Жени день рождения провести в Риге.

В отличие от декабрьских, он был тёплым и солнечным. Мы стояли на лесном песчаном кладбище, среди высоких сосен, под ярким голубым небом, читали Женино имя на скромном памятнике, и только тогда впервые по-настоящему осознали, что Жени нет и уже никогда с нами не будет.

Чем больше в обществе умных и искренних, добрых и порядочных, весёлых и талантливых людей, тем легче и интереснее в нём жить. Очень хочется, чтобы нашу жизнь, жизнь наших детей и внуков стали, наконец, определять именно такие люди, одним из которых был Евгений Марголин. Не случайно Всемирный клуб одесситов поместил статью о нём на свой сайт-энциклопедию «Они оставили след в истории Одессы». Друзья и земляки Е. Марголина действительно могут им гордиться.

Инна АРУТЮНОВА Ришельевская, дом № 21

Мой дом — в самом центре Одессы. Как говорят в Одессе, «центрее быть не может». Но он тоже может похвастаться одесским языком, вероятно, потому, что сам И. Бабель жил через дорогу, в № 17, учитывая, что № 19 в природе нет по нашей улице. В этом дворе, как и в упоминаемом № 61 по Б. Арнаутской, во дворе чистили рыбу, были в курсе, кто что купил и что кто готовит.

Из старых жильцов осталось нас только трое: я, известная художница Светлана Юсим-Цюпка и Ляля Новикова, дочь ученого-винодела, доцента Одесского сельскохозяйственного института Щигловской. С Лялей я училась в одном классе. На выпускном экзамене в школе она сразила всех. На вопрос в экзаменационном билете о генераторе она, приняв театральную позу, ответила, вскинув руку в сторону экзаменатора: «Генератор есть генератор!» И на этом замолкла. Получив «тройку», гордо удалась, но это не помешало ей окончить технический вуз и работать инженером — судя по отзывам, совсем не плохим.

Ставший известным врачом-гинекологом Жозя Зильберман несколько лет назад поменял адрес, работает в роддоме на ул. Слепнева.

В нашем дворе жила мадам Волк, низенькая, полная, кругленькая, которая была в курсе всех событий во дворе и бурно обсуждала все события с соседями. Иногда что-то присочиняла от себя, тогда было слышно: «Мадам Волк, вы свистите по нотам!» Она где-то услышала слово «феерично», которое ей очень понравилось, но она услышала и запомнила его как «венерично» и употребляла его очень часто. К примеру, у нее была кошка Белка, которой она говорила: «Белочка, кушай кусочек венерической курочки»; или «Погода сегодня венеричная!» К своему коту она обращалась так: «Мурзик, иди срочно домой!» Кот сидит и не реагирует. «Я говорю тебе, или я говорю рядом?!»

У меня были соседки Галина Лазаревна Бакальчук и ее дочь Наташа, моя подруга, которая теперь живет в Израиле. Они тоже очень активно интересовались жизнью двора. Мой балкон выходит во двор, они приходили ко мне на балкон, и в бинокль наблюдали жизнь двора, и были в курсе событий: кто к кому приходил, кто что купил. Во время землетрясения 1977 г. по телевизору показывали чемпионат мира по фигурному катанию. Я поддерживала полки с книгами, через плечо поглядывая в телевизор. В это время раздался телефонный звонок, и Галина Лазаревна светским тоном поинтересовалась, что я делаю. Услышав, что я поддерживаю полку с книгами, получила ответ: «Ты мишигине! Вместо того чтобы почитать эти книги, купила бы себе кольцо с бриллиантом и стояла бы, как все нормальные люди, на улице. Мы с Наташей стоим в ночных рубашках и звоним тебе с телефона-автомата, что на углу».

После войны в цокольном этаже жили две старушки — Анна Акимовна и Юлия Акимовна. Они были одиночки, их семьи составляли две кошки. Я помню 1948 г., когда весь двор их подкармливал, каждая хозяйка во дворе считала своим долгом принести им обед и накормить их кошек. Благодаря такой дружественной атмосфере и взаимопомощи голода в нашем дворе не ощущалось, никто из нашего двора от голода не умер.

Наш дом известен еще и тем, что в нем, построенном гласным городской думы Россолом в 1900 г., жили известный одесский певец В. Коралли, знаменитый футболист и тренер Виктор Прокопенко, а известный врач-гинеколог Ж. Зильберман (Жозя, как его звали во дворе) переехал и проживает по другому адресу.

Двор был интернационален. Здесь жили русские, евреи (в большинстве), поляки, греки, армяне, итальянцы, украинцы и даже одна семья испанцев — эмигрантов из Испании, приехавших в нашу страну в 1936 г.; семья персов, имевших бахчи за городом и дешево продававших и просто угощавших жителей двора дынями.

Наш двор по национальному составу был Одессой в миниатюре.